

Из поэтического наследия

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света
миру светло.
Но еще ни один
не сказал поэт,
Что мудрости нет
и старости нет.
А может, и смерти нет.

Читатель

Не должен быть
очень несчастным
И, главное, скрытным.
О нет! —
Чтоб быть
современнику ясным,
Весь настежь
распахнут поэт.
И рампа торчит
под ногами,
Все мертвенно, пусто,
светло,
Лайм-лайта *.
холодное пламя
Его заклеило чело.
А каждый читатель
как тайна,

* Лайм-лайт — свет рампы (англ.). — Ред.

Как в землю
закопанный клад,
Пусть самый последний,
случайный,
Всю жизнь
промолчавший подряд.
Там все, что природа
запрячет,
Когда ей угодно,
от нас.

Там кто-то
беспомощно плачет
В какой-то незначенный
час.

И сколько там сумрака
ночи,

И тени,
и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,
За что-то меня упрекают
И в чем-то

согласны со мной...
Так исповедь льется

немая,
Беседы блаженнейшей

зной.
Наш век на земле

быстротечен,
И тесен

назначенный круг,
А он неизменен

и вечен —
Поэта неведомый друг.

Анна Ахматова

«...С неукротимой совестью своей»

Было множество причин, заставлявших предполагать, что имя и слава Анны Ахматовой останутся в 10—20-х годах нашего века. Ее окликали обидными и оскорбительными прозвищами вплоть до «внутренней эмигрантки». Сама Анна Андреевна при всем присутствии духа с горечью представляла будущее свое:

Теперь меня позабудут,
И книги сгниют
в шкафу.
Ахматовской звать
не будут
Ни улицу, ни строфу.

Время распорядилось по-иному. Наследие поэта оценено высоко. Есть ахматовские улицы, есть мемориальные доски на домах, где она жила и работала, есть музеи, посвященные ей, есть и ахматовские строфы. А главное — вырос читатель, которому она оказалась душевно близкой и нужной. Содержательностью строк, своеобразием образного строя, тщательностью отделки слова, притягательностью личности.

Сегодня по решению ЮНЕСКО мир чествует Анну Ахматову. Празднование 100-летия со дня рождения проходит повсеместно. Читатели славят поэта, по достоинству приписывая его к самым заметным явлениям литературы нашего века.

У настоящего поэта все начинается не со звучания готового слова — с предчувствия неведомого. Поэт ищет в шесте и грохоте словаря единственно необходимое ему слово. Оно, разумеется, живет в нем самом, а не покоится на полке. Поэт ищет и находит. Иногда этот поиск длится десятилетия. Вся жизнь.

Совсем недавно ценители поэзии Анны Ахматовой обрели доселе неведомые ее строки. «Черепки» — маленькая поэма (всего тридцать две строки) с эпиграфом из Джойса: «Ты не оставишь свою мать сиротой». Публикатор Л. Чуковская (журнал «Горизонт») говорит о родстве «Черепков» с «Реквиемом» — обе поэмы обращены к сыну.

Вот первая строфа:
Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной
с единственным сыном...
На позорном помосте
беги

Как под тронным стою
балдахином...

Однажды в разговоре с Ахматовой Чуковская сказала, что заключительные строки этого четверостишия могли бы служить эпиграфом ко всей ее поэзии. Если существуют поэтические автопортреты, то эти строки и впрямь — один из самых проникновенных автопортретов.

Ахматова умела молчать. Умела, по словам поэтессы Марии Петровых, домолчаться до стихов.

И я молчу... Как будто
умер брат.

В памяти Чуковской сохранилось начало черновика седьмой «Северной элегии»:

А я молчу. Я тридцать лет
молчу.

Иногда сквозь строки проглядывает такое уязвленное горем сердце, что останавливаешься и долго думаешь:

Отчаянье, приправленное
страхом,
Почти что невозможно
перенести.

В этих строках — сама исповедь дочери нашего времени. Вечность вечностью, но как перенести такое — «отчаянье, приправленное страхом»? «Почти что невозможно...» И

вновь убеждаешься в неисчерпаемости ахматовской поэзии. Кажется, что постиг ее. Но читаешь заново и видишь: твое постижение недостаточно.

Дни Анны Ахматовой уже подходили к концу, они исчерпывались трудом, недоеданием, равнодушием и издевками современников, тиранией Сталина, шельмованием Жданова, болезнями, трагическими судьбами мужа и сына. Это еще слабо описано у нас, хотя «Реквием» проникновенно характеризует место и время действия:

Я была тогда с моим
народом,
Там, где мой народ,
к несчастью, был.

«Тогда», «там», «к несчастью» — все убийственно точно.

Напомним строки из статьи Ахматовой «Слово о Пушкине». «Теперь настало время сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними». Думаю, близится время, когда эту формулу можно будет применить и к самой Ахматовой.

В жизни своей, длившейся неполных семьдесят семь лет, она знала славу, бесславие и снова славу. После ее смерти, как это бывало нередко, слава эта оказалась настолько глубокой и прочной, что мы с уверенностью можем сказать теперь: Анна Ахматова естественно входит в высокий круг классиков русской литературы. Это происходит, повторяю, естественно, но одновременно надо признать, — в результате длительной, притом жестокой борьбы за имя и наследие поэта.

Старшие из наших современников были свидетелями и даже участниками этой борьбы. Младшие знают о ней по рассказам. Для тех, кто придет вслед за ними, образ Анны Андреевны раскрывается в его истинном виде, избавленном от всего наносного, живого, вневременного.

Долго существовало мнение о камерности поэзии Ахматовой, об ее интимности, об ограниченности ее мира, который называли «комнатным». По правде говоря, сама Анна Андреевна давала повод для такого рода суждений.

А я росла в узорной
тишине,
В прохладной детской
молодого века.
И не был мил мне
голос человека,
А голос ветра
был понятен мне.

Это начальные строки стихотворения «Ива» (1940 г.). Любя серебряную иву, которая «бессонницу овеивала снами», Ахматова полемически отдала от себя «голос человека». И тем самым возводила на себя напраслину. Зря! С годами «голос человека» и человечества звучал в ее поэзии все более внятно, все более убедительно. Она слышала голос печали, радости, тревоги, заботы, раздумья, скорби — голос самой души людской.

Пожалуй, ближе всех к пониманию существа поэзии Ахматовой, к смыслу ее художнического движения был Блок. В одном из своих писем (от 14 марта 1916 года) он обращался к Анне Андреевне: «...не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо «экзотики», не надо уравниваний с десятком неизвестными, надо еще жестче, непригляднее, сильнее».

Все это ожидало Ахматову в будущем. Нет, и после революции она не отказалась от круга своих образов (природа, любовь, бытие, смерть, культура), но под ними, в ос-

новании их, уже находилась жизнь нашего общества и мира в целом.

...Всегда подстерегает опасность прочитать начальные страницы любовного дневника Анны Ахматовой как традиционную жалобу женского сердца. А между тем перед нами метафора, прочтываемая в историческом контексте. В этом смысле «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина, «На светские цепи...» Лермонтова, «О доблести, о подвигах, о славе...» Блока, «Любить иных — тяжелый крест...» Пастернака, «Чернеет дорога приморского сада...» Ахматовой имеют ту же судьбу, что и многие вещи сугубо исторического характера.

Это события века, понятные сперва в личном плане и много лет спустя расширившиеся до плана философского. Путь, который по-своему проходят многие художники. Личность поэта, пожелавшего рассказать всему миру о своем потрясенном сердце, о своей влюбленности, обретает характер всеобщности и исторической значительности, если перед нами действительно поэт. Можно брать грандиозные исторические темы и оставаться «узким», «камерным» пев-

Штрихи к портрету Анны Ахматовой

цом, а можно о цветке написать в широчайшем плане. Нельзя противопоставлять «комнату» Анны Ахматовой «площади» Владимира Маяковского. Нельзя ставить вопрос избирательно: или — или. Человеку нужно и то и другое.

В лирике всего более виден человек и его масштабы. Чернеющая «дорога приморского сада» и муза в дырявом платке, царскосельская статуя и три гвоздики в стихах Анны Ахматовой — не только поэтические подробности. За ними открывается сложная душевная жизнь современницы.

Автобиографичность в лирике вовсе не той же природы, что в обычных ответах на анкету или даже в мемуарном жанре. Лирика большой личности всегда — рано или поздно — приобретает характер всеобщности. И действительно, какой интерес представляли бы для нас отношения Петрарки и Лауры, Пушкина и Керн, Гейне и Матильды, Тютчева и Денгусовой, если бы не эта могучая всеобщность частного лирического признания, не огромные усиленные местоимения «я», имеющиеся в распоряжении талантов и гениев.

Существует мнение, будто художнику для роста и движения к цели необходимо расширять тематические горизонты. Мы мало поймем в Анне Ахматовой, если будем притуплять ее только тематически. Напротив, в пределах одних и тех же излюбленных тем и образов можно проследить движение, рост, все увеличивающуюся глубину постижения жизни поэтом. И в этих расширяющихся кругах художнического познания бытия проступает сама его судьба.

Осип Мандельштам в «Письме о русской поэзии» утверждал: «Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и богатство русского романа XIX века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с «Анной Ка-

рениной», Тургенева с «Дворянским гнездом», всего Достоевского и отчасти Лескова... Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развила с оглядкой на психологическую прозу».

У ахматовской поэзии плотная ткань образов переброшена над бездной лирического подтекста, над недосказанностью и таинственностью переживания. С годами психологическая основа этого лиризма все более и более углублялась. Начиная с малого, с зарисовки, с беглой подробности, образы ранней Ахматовой, как бы кругами на воде, расходятся все шире и шире и сливаются с беспредельным. От этого простого к сложному, от строки к строке обрстая новыми смыслами и оттенками смысла, образ движется к концовке, имеющей уже явно обобщающее значение.

В своем предисловии к раннему сборнику Ахматовой «Вечер» Михаил Кузмин, приветствуя приход в русскую словесность нового поэта, особо отметил свойственную автору повышенную чувствительность. Прямая и не терпящая лжи обращенность к тайнам мира и человеческого существования так и остались наиболее характерными свойствами поэзии Ахматовой. И все же в позднюю пору ее творчества за традиционными строками можно ощутить, как под ними «хаос шевелится» (Тютчев). Какого бы образа мы ни коснулись, все претерпевает изменения, все приобретает новый смысл. Время наполнило поэзию Ахматовой исторической конкретностью и оно же со всевозрастающей наглядностью показало, что значат слова Блока — «жестче, неприглядней, больнее».

Поздняя лирика Ахматовой заставляет вспомнить русских авторов девятнадцатого столетия — с их беспощадностью взгляда на мир, суровой правдой чувства, когда жизни, людям, самому себе с последней прямоотой произносится строгий приговор. Ничем не отвлекаемый интерес к человеку — вот главное. Нет никаких эффектов и украшений, никакого желания потрафлять, подкаивать читателя. Есть непринужденность и выношенность высказывания.

«Мне ни к чему одические рати...», «В сороковом году», «Луна в зените», «Вторая годовщина», «Музыка», «Северные элегии», «Летний сад», «Шиповник цветет», «Не страшай меня грозной судьбой...», «Трилистник московский», «Последнее стихотворение», «Царскосельская ода», «Полночные стихи» и, конечно же, «Реквием» — вот далеко не полный перечень ахматовских стихотворений, которые можно назвать ее поздней лирикой. Эта лирика впитала в себя жизненный опыт поэта, культуру предшественников. Здесь Ахматова выступает как поэт. сочетая магию слова с пластикой и музыкальностью и заставляющий их слитно и верно служить содержанию началу. Естественность звучания голоса достигнута ценой большой, невидимой читателю постоянной работы. Следов усилий никто не приметит. Тайна ремесла остается неразгаданной.

Автор этих строк в рукописи одной из своих статей сказал о влиянии Пушкина на Ахматову. Анна Андреевна возразила: «Что вы, не надо так сильно. Погасите! Если уж говорить об этом, то только как о далеком-далеком отсвете...» Через все творчество Анны Андреевны проходит

образ Пушкина, которого на протяжении многих лет она изучала. Изучала его жизнь и сочинения, внося в пушкиноведение свою особую лепту. Но здесь речь о другом. О влиянии пушкинских поэтических принципов на поэзию Ахматовой. В чем надо видеть это влияние? В противостоянии Анны Ахматовой хаосу и произволу в поэтическом содержании и форме, в борьбе за отшлифованное до блеска алмазной грани слово.

...Сама Ахматова в стихах и в беседах называла важнейшими датами своей жизни и творчества годы 1913-й и 1940-й. Речь идет об узловых моментах творческого духовного развития, о годах, послуживших основой для магистральных образов поэта. Борис Пастернак, характеризуя Анну Ахматову, писал: «Две кровопролитных войны, их следы чуть ли не на каждой странице, а между ними известный силуэт с гордо зачесанной головой...»

1913-й год — канун первой мировой войны — был, по Ахматовой, предвестием нового века:

Приближался не
календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

Второй канун — 1940-й год — был новым поворотом в жизни и творчестве Анны Ахматовой. Вспомним цикл «В сороковом году» (со стихами «Когда погребают эпоху...», «Лондонцам», «Уж я ль не знала бессонницы...», «Но я предупреждаю вас...»). 1940-й год — это время, когда Анна Ахматова по-новому обобщила и переосмыслила и собственную жизнь, и жизнь нашего народа и всего мира:

Из года сорокового,
Как с башни, на все гляжу.

Именно в 1940 году Ахматова начала писать «Поэму без героя», в которой по-новому, как бы по второму кругу (зеркально) пережила 1913-й и сопредельные годы. Именно в эту пору и после нее начинаются наиболее выразительные по стремлению раскрыть «бег времени» стихи («Северные элегии», «Родная земля», «Смерть» и другие).

Искусство Ахматовой всегда было серьезным и выразительно глубоким. Теперь же, в позднюю пору, оно обрело широту, историчность и в своей человечности стало беспощадно правдивым. Поэт признается: «...я всю ночь веду переговоры с неукротимой совестью своей». Без этих «переговоров» невозможны познание мира и победа над судьбой.

Глубина постижения человеческой души, афористичность стиля, изящество и пластичность — все это относится и к прозе Ахматовой. Это не рассказы, повести, романы. Это заметки, очерки, дневниковые записи — фрагментарные, неразвернутые, главным образом мемуарного характера (если судить по плану неосуществленной книги «Мои полвека»), серия статей о Пушкине, размышления о поэтах-современниках, наблюдения над природой поэтического творчества. Проза, с одной стороны, многое разъясняет в стихах и поэмах, с другой — имеет самостоятельное значение и читается с таким же интересом, как поэтические произведения, составляя с ними одно целое. И убеждаешься: за всем, к чему прикасалась рука Ахматовой, стоит ее личность, исполненная величия, женственности, мужества, красоты.

Лев ОЗЕРОВ.